

стической концепции языка и стиля. Дело в том, что молодой Сумароков находился под сильным влиянием Ломоносова и усвоил в ряде элементов своих произведений ломоносовскую семантическую манеру, величественную или эмоционально-напряженную, смело-метафорическую, использующую яркие лексические ореолы слов, чуждающуюся сухой терминологичности. Вот это-то и было неприемлемо для Тредиаковского. Между тем в конце 1740 г. сам Сумароков уже отходил от Ломоносова и вскоре отверг его стилистические принципы, сделавшись тем ярким сторонником и проповедником рационалистического, сухого стиля, тем противником метафоризации, семантической многогранности слова, которым он и остался до конца своих дней. Таким образом, Тредиаковский нападает на Сумарокова как раз за то, что сам Сумароков уже в эти годы начал осуждать в Ломоносове; Тредиаковский проповедует Сумарокову нормы стиля, ранее ему более или менее чуждые, но к 1750 г. уже свойственные его собственному эстетическому мировоззрению. Следовательно, иначе говоря, Тредиаковский, критикуя раннего Сумарокова, настаивает на нормах классицизма, которые утверждал в русской поэзии как раз зрелый Сумароков. Поэтому-то критические замечания Тредиаковского в этом круге вопросов так похожи на такие же замечания Сумарокова в его «Критике на оду» Ломоносова. Тредиаковский, в сущности, осуждает в молодом Сумарокове Ломоносова, через голову Сумарокова борется с поэтикой Ломоносова.

К данному вопросу относится множество критических замечаний в статье Тредиаковского; так, например, он осуждает на основании точного научного смысла слов два стиха Сумарокова: «Как ветер пыль в ничто преводит, так гибнет наша красота»: «Здесь соврано против общия философическия правды. Кто г. автора научил, что ветер пыль в ничто преводит? Сим бы способом, по седми тысячах лет от сотворения света, по нашему числению, давно уже вся земля в ничто была превращена. Ветер пыль только с одного места на другое преводит, а не в ничто обращает: от количества сотворенныя материи, по мнению знатнейших философов, ничего не пропадает». По поводу стиха «Простири с небес свою зеницу» Тредиаковский пишет: «Зеница есть славенское слово, а по-нашему просто называется озорочко. Но никто еще толь дерзновенныя и толь несвойственныя фигуры не употреблял у нас: ибо говоря распростерть озорочко, есть означать, что оно так простирается, как рука». Он отрицает метафору, исходя из требований логики. У Сумарокова сказано: «Разрушь бунтующи народы, И станут брань творящи воды»; Тредиаковский говорит: «Что значит стать брань творящим водам? Стать водам есть несвойственно; а стать водам брань творящим и того несвойственнее. Но пускай станут брань творящи воды; только ж бы не останавливались они от того, что разрушатся бунтующи народы: ибо сия авторова логика весьма подобна есть следующему